

Молчанова Карина Вадимовна

8-999-624-08-69

<https://t.me/PoemsbyKarina>

karinamolcanova456@gmail.com

@fairyzzzx

Мне 16 лет. Я обучаюсь в 9 классе и активно занимаюсь написанием речей, составлением текстов и сочинением стихотворений. Я работаю в школьном медиа-центре, веду линейки и мероприятия. Зачастую мне приходится создавать работы для школьных праздников и конкурсов. Страсть к поэзии – моя главная изюминка. Я участвую в этом конкурсе, потому что вижу в литературе смысл своего существованию.

« Пленительная грёза »

Ох, как красива.

Она, стоя,

На зеркало пускала взор.

Меня пленил её под утро

Сонливый, тихий разговор.

Слегка потягивая руки,

Она, как кошка,

Позевав,

Меня манила и,

Целуя,
Крутила пальцем в волосах.
Жаркий рассвет
Багряным светом
Нам бодрость,
Силу приносил,
А я стоял за ширмой
Молча,
Стоял и кофе ей варил.
Ей было вкусно,
Знаю точно,
Она хотела пить его.
Она хотела видеть в мире
Меня лишь только
Одного.

« Избушка »

Тихо летают птицы
Мимо полей, колосьев.
Вспыхивают зарницы
Между сухих бороздьеv.
В окнах глухой избушки
Вижу я тени свечек.
Где-то у печки рядом
Длится семейное вече.

В робе глава семейства,
Он шевелит усами.
Рядом присела дочка
С хитренькими глазами.
Что-то затеяла явно,
Русой косой болтая.
С нею под боком кошка,
Самая деловая.
Матушка у порожка
Стряхивает салфетку.
Сын семилетний треплет
С печки висящую сетку.

Ярко в избушке этой.
Вижу, как ветер играет,
Но почему-то с окон
В дом он не залетает.
Видно, дом полон силы,
Ветер собой отгоняет.
Видно, и снега настилы
Сразу под жаром тают.
В доме царит надежда.
Мир и любовь в нём правят.
Вход там венками увешан.
Его подкова славит.
Сад, петухи, деревья:
Яблони там и груши.

Подле сарай с вареньем,
И не проникнут стужи.
Может, там кролики даже,
И утки есть, есть репейник.
Возможно, колодец свой сложен,
Но это моё только мнение.

Представить могу что угодно,
Их дом – моих снов порождение.
Я точно уверен, удобно
Придумать свое спасенье.
Кому-то корзины варенья;
Кому-то дай пачками денег;
Есть те, что находят смирение,
Взяв невод, спустившись на берег.
Но это неважно. Правда.
Мечтать ведь не вредно много.
Когда у тебя есть услада,
Держаться ты будешь долго.
Моё – это дом и печка,
Семьи дорогое слово.
Теплее и нет местечка,
Нигде ты не сыщешь такого.
Останусь в своих я мечтаньях,
Останусь смотреть на кошку.
Она, от компаний сбежавши,
Ушла от людей на порожек.

« Подарок на вечную память »

Ты в своей шляпе себя чувствуешь прекрасно,
А я смотрю на твою форму и портрет.
Когда вернулся ты, мне сотни разных красок
Разрисовали в тучах небо в яркий цвет.
Я помню, как, с каким порывом возвратился.
Все твои ранки и слезливые глаза.
Как на меня при встрече ты облокотился.
Ты, обнимая, вернул веру в чудеса.
Принес мне брошку ты, ещё букет ромашек,
Сказав, что в поле уже нет цветов таких.
А я сняла с тебя потертую фуражку
И удивилась, где добыл в подарок их.
Ты тогда что-то мне про бабушку ответил,
Что был участок у неё, огромный дом,
Но ни один фашист его не заметил,
А может просто пожалел, увидев в нём
Кучу горшков с цветами и корзин с вареньем.
Его варили чьи-то руки в доме том.
Там пекся хлеб, солдат он верное спасенье.
Стояла женщина со старческим лицом.
Она была совсем худа, совсем уж бедна,
Но в её доме пахло жизнью, пел рассвет.
Ты как-то в доме услышал, скрипит беседка.

И заглянул ты к ней на помощь, на обед.
Она за это тебе брошку подарила,
Дала ромашек милый беленький букет,
А ты вернулся и с улыбкой, горделиво
Зашёл ко мне. Я наводила марафет.
Пусть твоя шляпа уже больше не фуражка.
Ты знаешь, это ведь и правда хорошо.
Пускай завяли белоснежные ромашки,
Мне с милой брошкой на плече и так светло.

« Стакан с кофе »

Просыпаясь дождливым и летним деньком,
Я спешил варить кофе для нас в тишине.
Пока сладко спала под озлившийся гром,
В кружку сыпал я сахар, её и себе.
Она так не любила помногу его,
Разрешала добавить лишь пару крупиц,
Но, однако, ей нравилось пить с молоком,
Чтоб размазало белым край черных границ.
Не любили мы есть по дождливым утрам.
Пили огненный кофе совсем натошак,
Чтобы голод пробрал нас, как фильм про щенят,
Чтобы мы предавались тем жгучим парам.
Она так просыпалась, а я дополнял
Ту шкалу, что во мне резких температур.

Нас дешевенький кофе от грусти спасал,
Он был лучше таблеток и всяких микстур.
Мне хватало от этих моментов всего:
Запах свежести улиц, порханье ресниц,
И мне было, конечно, уже всё равно,
Когда утро лишало меня верениц.
Те цепочки знакомств и несбывшихся мечт,
Я не вспомню о них, пока я не один.
Мне нет дела до склоченных дружеских встреч.
Этим утром я веру свою породил.
Этой веры не будет сильнее теперь,
Я ее посвящаю твоим волосам.
Ты прошу, моя милая, только доверь
Свою душу и волю влюбленным словам.
Не бросай меня, милая, не уходи.
Я не выдержу, если ты бросишь в котел
Эти чувства и мысли. Ты не хорони
Моих памятных фраз, что я в косы заплёл.
Я не знаю, как буду я жить без тебя.
Я, наверное, даже покончу с собой.
Этот дождь растворит нас, уже не любя,
Будет зол, что мы чувства свели на убой.
Я могу говорить бесконечно сейчас.
Ты уйдешь, а мне некому кофе варить.
Мне с трудом себя утром дождливым взбодрить,
Не сорвать одному этот мучащий транс.
Но взглянул на кровать и свой кофе пролил.
Я не мог с состоянием своим совладать,

Ведь твой след здесь как месяц с рассветом простыл.
Я остался один свой стакан допивать.

« Он и Они »

Надвигается буря из чувств.
Где-то робко хохочут любовники.
От паркета до комнатных люстр
Слышен треск. Разбиваются столики.
Тарахтит кофемолка ужасная,
Доварив капучино стакан.
Разлетается вдребезги ржавая.
Не стерпела их страшный обман.
Здесь будильник пробил час двенадцатый.
Время есть или спать? Не понять.
Кто-то в панике едет со станции.
Он предчувствует. Что предпринять?

Этот кто-то не глупый до святости.
Этот кто-то порядочный. Сам
Он готов доводить всё до ясности.
Он хороший супруг. Он не хам.
Только что-то опять не дотянуто.
Где-то будто мелькает обман!
Может, слишком рубашкою стянуто
Его тело, ну или он сам.

Вот как будто перчат неприятности.
Режет горечь, коль взглянешь на стан.
Но не хочет вести всё до гласности.
Не даёт раскрыть мысль устам.

Она просто молчит и без колкостей
Его тихо встречает опять.
Вкусный ужин, банальные скромности.
Не даёт себя даже обнять.
Она будто святая. Подробности
Не начнёт ему все разглашать.
Но, по правде, в душе её подлости.
Ей достойной супругой не стать.
Он уедет, пройдут её робости.
Зазвонит в сотый раз телефон.
Так смелеет в любой её области
Её тело. Огня эталон.

Кавалер – не пример для пристойности.
Он нахальный и наглый чурбан.
Не расспросит про быт и про новости.
Придёт на ночь. Осушит стакан.
Ей хотелось, конечно, подробности
Обсуждать с ним о жизни, но штамп
Ограждает её от способности
Говорить о любви не мужьям.

Стыдно требовать ласки, внимания.

Ей дает её муж, но устам
Нет улады в простом понимании,
Что семья есть божественный храм.
Ей придраться к обычной неровности
Проще, чем показаться глазам
Закаленным в прощенье, без строгости.
Сложно вылить наружу свой срам.

Ну и вот час расплаты, убогости.
Стук зубов заглушит ураган.
Открывается дверь и на скорости
Залетает в квартиру «мужлан».
Тот, который пропитанный полностью
Диким холодом. Тот «истукан»,
Что наскучил уже своей вольностью,
Что растерянный, словно баран.
Он влетает. Они ждут ругательства.
Нет и времени прятаться в шкаф.
Как не сдерживал слёз, он старательно
Опустился на грязный диван.
Он ей верил. Не ждал этой пропасти
И падения не ожидал.
Не спустил их с окна, с невесомости,
Но он вышел из комнаты сам.

« Потерявший самообладание »

Да, он знал, он хотел, он любил.
Он в нее как в религию верил.
Он желал ее, боготворил.
Все в своей непонятной манере.
В мире девушек было полно,
Но она ведь была не простая.
Он ценил ее, словно вино,
Всю до дна допивал не скрывая.
Чуть бывало покинет ее,
Начинает съедать паранойя.
Она стала, как злое ружье,
Не убьет – не отыщет покоя.
Ну а он, как сошедший с ума.
Стал фанатиком, жаждал без меры.
Дотянувшись до самого дна,
Понял он, что стал жертвой аферы.

« Тряпочка »

И, сжавшись, как узел, я чувствую,
Как будто я, порванный надвое,
Как будто, как губка впитавший я
Остатки реки отчаянья.
Сгоревший под синим пламенем,
Как уголь, я чёрным пачкаю.

Струюсь я дырявыми тканями,
Как флаги, прожжённые заревом.
Раскопанный я археологом, не знавшим моей истории.
Умолченный я астрологом,
Как звёздами быть недостойный.
Убитый я пулей нечёткою,
Охотником непощажённый.
И как батарейка старая,
Я сел, полностью разряжённый.
Меня подожгли рыжей ведьмою.
Казнили на внятной вам площади.
Меня истоптали, как ландыши,
Машины на шумной обочине.
Втоптали меня, как подошвою,
Семью муравьёв испугавшихся.
Меня разбросало, как вкладыши
Журналов, совсем истрепавшихся.
Я как промокашка советская,
Измазанная чернилами.
Не буду я лезть с советами –
Как жить, прилагая усилие.
Я хрупенький, исхудавшийся,
Я тряпочкой по подоконнику,
А после по полу дряблему
Утрюсь чьими-то помоями.
Несчастный, я, самый бедненький,
И тварью дрожащей остануся,
Пока те везучие гении

Всего, что хотят, добиваются.